

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ
БАМБОЧАДА

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В12

Предисловие Т. Никольской

Вагинов, К.

В12 Козлиная песнь. Бамбочада : [романы] / Константин Вагинов ; [предисл. Т. Никольской]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 341 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-12108-0

«Козлиная песнь» (так с греческого переводится слово «трагедия») — многоплановый, полный иронии и лиризма роман поэта и прозаика Константина Вагинова. Его герои, прототипами которых послужили известные люди 1920-х гг.: Н. С. Гумилев, Вс. Рождественский, С. А. Колбасев, Л. В. Пумпянский, М. М. Бахтин и др. — считают себя последними представителями интеллигенции, дореволюционной петербургской культуры. Вагинов отстраненно, с печальной усмешкой наблюдает за тем, как эти «неуместные» теперь люди борются с наступающей на них новой эпохой.

«Бамбочада» продолжает тему гибели старой культуры перед новым «варварством», но у героев этого романа уже нет «эллинистических» притязаний. Нумизмат и коллекционер, Вагинов изображает близкий ему мир людей, пытающихся сохранить предметы и раритеты из прошлого, собирающих по крупицам то, что еще можно спасти от уничтожения...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Никольская Т. Л., предисловие, 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-517-12108-0

АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ, ЕГО ВРЕМЯ И КНИГИ

Интерес к литературе двадцатых годов, долгое время подспудный, наконец вырвался на поверхность. Имена писателей, казалось, забытые навсегда, получают второе рождение.

Константин Вагин ов вошел в литературу как прозаик во второй половине двадцатых годов. Три его романа — «Козлиная песнь» (1928), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931) — пользовались успехом. Но попытки разобраться в сложном творчестве писателя встречаются лишь в рецензиях на его первый роман. В отзывах на последующие преобладает вульгарный социологизм, переходящий подчас в бездоказательную брань. Работы же серьезных критиков о Вагине попросту не печатались.

Прежде чем перейти к разговору о романах Вагина, нельзя не рассказать, хотя бы кратко, о самом писателе, в произведениях которого отразился причудливый, подчас фантастический для современного читателя быт первого пореволюционного десятилетия.

Константин Константинович Вагин ов (Вагенгейм) родился в Петербурге 3 октября (21 сентября) 1899 года¹. Его отец, жандармский офицер Константин Адольфович Вагенгейм, происходил из давно обрусевшей немецкой семьи, пустившей корни в Петербурге еще в XVIII веке. Мать — Любовь Алексеевна, дочь богатого сибирского помещика, — владела в Петербурге несколькими домами.

¹ Дата рождения уточнена А. Л. Дмитренко.

Образование Вагинов получил в славившейся демократизмом гимназии Я. Гуревича, где проучился с 1908 по 1917 год.

В 1917 году с юридического факультета Петроградского университета он был мобилизован в Красную армию. Воевал на польском фронте и за Уралом. В 1920 году Вагинов вернулся в Петроград, окончил Институт истории искусств — в университете его не восстановили из-за непролетарского происхождения — и почти безвыездно прожил в родном городе до своей ранней кончины.

Еще в гимназии Вагинов начал писать стихи, по собственным его словам, толчком к этому послужили «Цветы зла» Ш. Бодлера. Помимо бодлеровских мотивов, в его юношеских стихах часто встречается образ Петербурга, воспринятого сквозь призму символистской поэзии и живописи «Мира искусств». Вагинов увлекался античностью. Он собирал и изучал литературу по античной археологии и истории. Его любимым с детства произведением было многотомное исследование английского историка XIX века Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Сильно повлияли на Вагинова произведения английского искусствоведа и писателя Уолтера Патера. В предисловии к русскому переводу «Воображаемых портретов» У. Патера П. Муратов писал: «Патер просто жил в прошлом, и оно было для него действительностью более реальной, чем настоящее». Герой романа «Козлиная песнь» — Известный поэт, образ во многом автобиографический, блуждая по улицам Петербурга, видит, как знакомый с детства город превращается в Древний Рим: «Вспомни вчерашнюю ночь... когда Нева превратилась в Тибр, по садам Нерона, по Эсквилинскому кладбищу мы блуждали, окруженные мутными глазами Приапа, — говорит он своему спутнику. — Я видел новых христиан, кто будут они? Я видел дьяконов, раздатчиков хлебов, я видел неясные толпы, разбивающие кумиры. Как ты думаешь, что это значит, что это значит? — Известный поэт смотрел вдаль. На небе перед ним постепенно выступал страшный, заколоченный, пустынный, поросший травой город».

Петербург военного коммунизма действительно выглядел необычно. Трамваи не ходили, автомобили проезжали очень

редко. Между плиток торцов, покрывавших Невский проспект, прорастала трава, в скверах и во дворах зеленели огороды. Старинные здания с обвалившейся штукатуркой стояли, оставленные хозяевами. Опустевший, голодный город. «Я встал, пошатываясь, и пошел по стенке», — писал Вагинов в одном из стихотворений этих лет, а в другом: «Мне все равно, что сегодня две унции хлеба, / Город свой больше себя, больше спасенья люблю».

В Петрограде многие думали не только о хлебе насущном. Был открыт Дом искусств, в котором жили и творили служители муз всех поколений — молодые «Серапионовы братья», многие из которых, подобно Вагинову, только что вернулись с фронтов Гражданской войны; уже маститая О. Форш (описавшая впоследствии жизнь «Диска», как сокращенно назывался «Дом искусств», в романе «Сумасшедший корабль»); поэт-символист, друг А. Блока В. Пяст, неистовый спорщик искусствовед А. Волынский. При Доме искусств работала литературная студия, в которой Н. Гумилев, а после его трагической кончины К. Чуковский вели с начинающими поэтами «Практические занятия по поэтике». Вагинов тоже ходил на занятия студии, куда «стекались те, для кого творчество заменяет и хлеб и тепло». Поэтесса Ида Наппельбаум вспоминает, что Вагинов «был самый маленький, самый худенький, с самым слабым голосом, самый „не такой“, но сразу выразителен и значим. Сидел далеко от Гумилева, в конце длинного стола, а когда вставал и начинал читать — появлялся новый мир, ни с кем и ни с чем не сравнимый и волнующий. Читал негромко своей нечеткой дикцией. Но все слушали и давали уводить себя в этот призрачный, пригрезившийся поэту мир. Наш Мэтр, истый акмеист, чья поэзия была закована в стальные рамки формы, чьи строфы, строки, слова отщелкивались, как градинки о железный лист подоконника, он — наш Мэтр, с ясным как небосклон мировоззрением, с зеркальной эстетикой, он замирал и, не противясь, входил в призрачный сад поэзии Константина Вагинова».

Летом 1921 года Вагинов был принят в гумилевский «Цех поэтов». Но его поэзия, которую современники сравнивали со снами, с живописью Чюрлениса, не укладывалась в цеховые рамки.

Этим же летом поэт вошел вместе с Н. Тихоновым и С. Колбасевым в группу «Островитяне», непосредственно связанную с «Серапионовыми братьями». В отличие от многих других литературных групп, «Островитяне» не выступали с широковедательными манифестами, они стремились к объединению различных творческих индивидуальностей.

Собирались «Островитяне» в Доме искусств, где жил Колбасев, Союзе поэтов на Литейном проспекте, у Тихонова и у поэтессы Веры Лурье, которая два года спустя вспоминала, как в ее квартиру на Мойке, к одиннадцати, приходили поэты, «сидели до двух с половиной часов ночи (позже трех часов ходьба по городу не разрешалась), топили печурку сырыми дровами, курили скверные папиросы, пили без конца чай... читали свои произведения... Если читались стихи, то Вагинова просили последним: у него был всегда столь огромный запас произведений, что мы боялись, как бы после него никому уже не осталось времени читать. Костя, маленький и уютный, садился обычно на полу у чьих-нибудь ног».

В сентябре 1921 года «Островитяне» выпустили первый сборник, напечатанный на машинке тиражом около двадцати экземпляров, в котором впервые выступил со стихами Вагинов. Весной 1922 года удалось издать типографский сборник, где также были напечатаны вагиновские стихи. Было объявлено о готовящихся к выходу книгах стихов Вагинова «Петербургские ночи» и прозы «Монастырь Господа нашего Аполлона». Но из-за отсутствия средств, как это часто случалось в те годы, издания осуществить не удалось. Стихи Вагинова, время от времени появлявшиеся и в других петроградских альманахах и сборниках, не прошли незамеченными. Лев Лунц, к примеру, писал, что «в каждой строчке Вагинова чувствуется сырая, еще не нашедшая себя, но подлинная поэтическая острота». И. Груздев отмечал подкупающую лиричность и метафорическую образность стихов молодого поэта.

В 1921–1922 годах Вагинов, по собственным словам, «состоял почти во всех поэтических объединениях Петрограда». Он входил в «Кольцо поэтов им. К. Фофанова», под маркой которого в конце 1921 года вышла его первая книга стихов «Путешествие

в Хаос», в группу эмоционалистов, лидером которой был Михаил Кузмин, посещал объединение молодых поэтов «Звучащая раковина». Бывал он и на собраниях пролетарских поэтов, проходивших на квартире жены актера А. Мгеброва В. Чекан и во многих других домах, где привечали литераторов. Молодой поэт впитывал в себя атмосферу литературной жизни города. Доброго, терпимого к человеческим слабостям Вагинова любили все. В обществе он ничем не выделялся, предпочитал слушать собеседников, которых располагала к себе его воспитанность и деликатность, сам говорил мало, но стихи читал всегда охотно. Его лирический герой — странствующий в мире поэт. Сближая отдаленные события, страны и времена, он провидел в современности древний мир. Логическое развитие образов в его стихах заменялось причудливо-ассоциативным, что давало повод современникам сравнивать его с О. Мандельштамом.

В конце 1922 года Вагинов решил, что период кружковой работы для него пройден. «Я проходил через все поэтические кружки и организации; теперь мне это давно не надо... Я хочу работать один», — писал он Вере Лурье в Берлин.

Как и многих его современников, Вагинова волновала судьба культуры: найдется ли место в новом материалистическом мире, в изменившихся социальных условиях жрецам искусства. В повести «Монастырь Господа нашего Аполлона», опубликованной в 1922 году в альманахе «Абраксас», он писал: «Наше время, изобилующее открытиями в химии, механике и физике, навело многих талантливых, но несчастных художников на мысль, что оные открытия есть вещь замечательная и вечная. Повинуясь слабому сему рассуждению, отроки и старцы не токмо философию, но и сердце человеческое забыли...»

Бескорыстное служение искусству требовало самопожертвования, иногда даже самой жизни творца. В середине двадцатых годов Вагинов вновь обращается к этой теме в драматической поэме, своеобразной вариации «Пира во время чумы». В этом произведении он предвидит возможность физического уничтожения интеллигенции. Перед героями, укрывшимися в замке от царящих в городе катаклизмов, выступает с угрозами Начальник Цеха:

Избрали греческие имена сеньоры,
Ушли из города, засели в замке,
Поэзию над смертью развели
И музыкой от дел нас отвлекают.
То снова им мерещится любовь,
Наук свободных ликование,
Искусств бесцельных разговор
И встречи в зданиях просторных.
Но непокорных сдавим мы,
Как злобной силы проявление.
Скульптор льет статую,
Но твердо знаем мы —
В ней дух живет его мировоззренья.
Должны ему мы помешать
И довести до иступленья...

Ощущение страха не покидало многих. «То, что ни за что схватят, — и посадят, и выведут в расход, казалось тогда невыносимым, но что задавят, замучают, заткнут рот и либо заставят умереть, либо уйти из литературы (как заставили Замятина, Кузмина...), смутно стало принимать в мыслях все более отчетливые формы...» — писала Н. Берберова.

С темой гибели культуры связаны у Вагинова и попытки сохранения уцелевших предметов материальной культуры прошлого, собирания по крупицам того, что еще можно спасти от уничтожения. Во всех романах Вагинов описывает книжные раритеты — библиотеку писателя Свистонова, редкие издания по кулинарии, хранящиеся у героя «Бамбочады» инженера Торопуло, книги, которыми пользуется ученый Тептёлкин. В его экспериментальном романе «Труды и дни Свистонова» книга является главным героем.

Сам Вагинов, написавший о себе: «...искусством я вскормлен от колыбели», — был страстным библиофилом. Его можно было встретить среди петроградских букинистов, располагавшихся на Литейном проспекте. Часто бывал писатель на Александровском рынке. В послереволюционные годы туда свозились книги из конфискованных библиотек. Старые издания продавались на вес. Фунт книг стоил 10–15 копеек. Однажды на Александров-